

ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

УДК 330.101.54

Г. Н. МАКАРОВА

*доктор экономических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права*

КРИТЕРИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье предлагается разграничивать понятия конкурентоспособности экономик различных стран и конкурентоспособности самих стран как субъектов современного миропорядка. Обосновывается целесообразность учитывать специфику современной межстрановой конкурентной борьбы, которая идет не только в сфере экономики, но также в политике, культуре, идеологии и в вопросах обороноспособности страны. Рассматривается вариант выделения в качестве главной цели и задачи современной межстрановой конкуренции выживание и развитие страны в условиях сложившейся системы миропорядка. Предлагаются девять критериев конкурентоспособности страны, которые отражают не только объемы и структуру национальной экономики, наличие у страны высоких технологий, но и ее политический авторитет в мире, культурные, духовные и религиозные традиции населения, наличие объединяющей население общенациональной идеи, высоких духовных ценностей, привлекательных также и для других стран мира. Делается вывод о том, что в условиях современного характера межстрановой конкурентной борьбы реально более конкурентоспособными являются не обязательно те страны, которые лидируют по размерам ВВП на душу населения, а те, которые могут хотя бы по каким-то вопросам мировой экономики и политики противостоять самой агрессивной стране — США.

Ключевые слова: конкурентоспособность; конкуренция; глобализация; Всемирный экономический форум; Россия; Китай; стратегические ресурсы; мировоззрение; идеология; культура; наука; интеллектуальный капитал; США; общественная психология.

G. N. MAKAROVA

*Doctor habil. (Economics), Professor,
Baikal State University of Economics and Law*

COUNTRIES' COMPETITIVENESS CRITERIA IN GLOBALIZATION ERA

The article proposes to distinguish the notions of competitiveness of different countries' economies and competitiveness of countries as subjects of the modern world order. The author justifies that the specifics of modern cross-country competition, which relates not only to the economy, but also to politics, culture, ideology, and matters of defense, should be taken into account. Survival and development of the country under the existing system of the world order are considered as the main goals and objectives of modern cross-country competition. The article also proposes nine criteria of the country's competitiveness reflecting not only the volume and structure of the national economy and presence of high technologies, but also its political prestige in the world, cultural, spiritual and religious traditions, presence of a unifying national idea and high spiritual values which can also attractive for other countries. It is concluded that in today's cross-country competition the most competitive countries are not those which take top positions by GDP per capita, but which can withstand the most aggressive country — the United States — at least on some economic and political issues.

Keywords: competitiveness; competition; globalization; World Economic Forum; Russia, China, strategic resources; world view; ideology; culture; science; intellectual capital; USA; public psychology.

В ряде публикаций российских авторов высказываются некоторые сомнения относительно объективности выводов Всемирного экономического форума (ВЭФ) об уровнях конкурентоспособности современных развивающихся стран, в том числе России (см., напр.: [6; 8]). По расчетам ВЭФ, все

развивающиеся страны, включая Китай, значительно отстают от развитых по своей конкурентоспособности, а Россия в этом отношении уступает не только всем развитым странам и Китаю, но и Бразилии, Индии и даже (по разным параметрам) многим самым отсталым странам Южной Африки.

На первый взгляд, ВЭФ трудно упрекнуть в какой-либо предвзятости оценок и выводов, так как эта организация учитывает в своих расчетах очень широкий круг показателей, характеризующих развитие обследуемых стран. Вместе с тем представляется, что российские авторы совершенно справедливо выражают недоумение по поводу некоторых выводов ВЭФ. Например, по итогам 2011–2012 гг. Россия получила в разрабатываемом ВЭФ мировом рейтинге конкурентоспособности 66-е место среди 142 обследованных стран, относительно ее ВЭФ сделал вывод о том, что она за год еще ухудшила свои позиции на три пункта. При этом в качестве основных причин снижения конкурентоспособности России ВЭФ выделил такие традиционные российские проблемы, как высокий уровень монополизации на отечественных рынках, неэффективность антимонопольной политики, ограничения в торговле и иностранных инвестициях. Российские авторы в этой связи не без оснований отмечают, что «перечисленные негативные факторы действовали в России и раньше. Поэтому не совсем понятно, как они могли обрушить индекс конкурентоспособности российской экономики лишь за один год» [6, с. 14], а также выражают недоумение, почему при оценках текущего положения дел и перспектив, например Украины, ВЭФ совершенно не смущает ее еще меньшее по сравнению с Россией благополучие по этим же и другим, учитываемым ВЭФ, составляющим конкурентоспособности. Тем не менее, согласно оценкам ВЭФ, Украина за этот же год не только не снизила свою конкурентоспособность, но даже, наоборот, продвинулась в мировом рейтинге вперед сразу на 7 пунктов и имеет «хорошую основу для дальнейшего экономического роста и повышения конкурентоспособности страны» [Там же].

Помимо сомнений в политической беспристрастности ВЭФ при проведении анализа и определении оценок и выводов представляется целесообразным также обратить внимание на некоторую нечеткость этой уважаемой организации в определении предмета ее исследований, или, точнее, на нечеткость в публикуемых формулировках этого предмета. Имеется в виду, что, знакомя мировую общественность с результатами своих исследований, ВЭФ, как правило, объявляет об оценках и сопоставлениях конкурентоспособности

разных стран, в то время как фактически исследуются и сопоставляются в основном уровни конкурентоспособности экономик разных стран и лишь отдельные элементы других сфер общества, наиболее тесно связанные с экономикой. К тому же, в качестве обобщающего показателя используется валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, который по своей сути фактически не может гарантировать объективных оценок конкурентоспособности даже в экономической сфере.

В этой связи, прежде всего, хотелось бы остановиться на том, что конкурентоспособность национальной экономики и конкурентоспособность страны в целом — далеко не одно и то же, и что, соответственно, оценки этих двух качественно разных видов конкурентоспособности не могут проводиться по одним и тем же критериям и показателям. Разграничение данных понятий представляется далеко не формальностью в современных условиях. Ведь во все последние десятилетия активно отстаивается идея о том, что с усилением мощи и влияния на мировых рынках транснациональных корпораций (ТНК) проблема конкурентоспособности стран объективно отходит на второй план, тем более что в недалекой перспективе, может быть, начнет исчезать само понятие государственного суверенитета. Однако фактически нельзя, на наш взгляд, не признать, что пока проблема межстрановой конкурентоспособности не только не утрачивает свое значение и не смягчается, но и даже становится все более актуальной. Как известно, повышенную значимость эта проблема приобрела уже в XX в., в течение которого человечество впервые за всю историю перенесло две мировые войны, распад мировой колониальной системы, фактическое разрушение системы стран социалистического содружества. Сам характер происшедших в этом веке процессов и порожденные ими изменения на карте мира не могли не усилить потребность широкого круга стран в оценках реальных возможностей и перспектив своего функционирования и развития в изменившихся условиях, а следовательно, — в объективных оценках своей конкурентоспособности относительно других стран — как ближайших соседей, так и географически отдаленных, но проявляющих (или способных проявить в обозримой перспективе) интерес к дальнейшему «перекраиванию» сложившейся карты мира.

С последней трети XX в. и в начавшемся XXI в. проблема конкурентоспособности для многих стран объективно перешла в разряд наиболее жизненно важных. В самом общем плане данное новое обстоятельство неизбежно обуславливается все более очевидным вступлением капитализма в завершающую фазу своего существования и его стремлением использовать для продления периода своей жизнеспособности весь арсенал средств, доступных наиболее развитым (получающим основные доходы в рамках данного строя) странам. Из всех возможных средств и инструментов спасения уходящего строя нельзя, очевидно, не выделить прежде всего такое его главное (на сегодня) порождение, как глобализация.

Как известно, до сих пор все еще значителен круг авторов, которые вопреки позициям наиболее глубоких исследователей природы глобализации, высказанным еще на рубеже XX–XXI вв. (см., напр.: [1, с. 210; 2, с. 15; 5, с. 55; 7, с. 92]), стремятся видеть в данном явлении не только субъективные, но и объективные черты. Например, М. И. Гельвановский выделяет в глобализации одновременно целых три сущности, характеризуя ее и как «объективную тенденцию интернационализации хозяйственной жизни», и как «концепцию развития мировой экономики на согласованной между странами-участниками основе», и как «специфический международный проект, реализующий интересы отдельных участников международной конкурентной борьбы, т. е. совокупность организуемых действий международного характера в масштабах всей планеты» [4, с. 223–225]. Хотя все три перечисленные реальности действительно присутствуют в современной жизни, представляется, что сущность самой глобализации справедливее было бы свести лишь к третьей из них, т. е. определять содержание этого явления, согласно уточнениям самого автора, как «грандиозный международный проект одних субъектов мирового рынка (фирм и стран), направленный на повышение их конкурентоспособности за счет других субъектов» [Там же]. Ведь две первые выделенные составляющие — усиление процессов интернационализации хозяйственной жизни и потребностей стран в согласовании своих действий — это, по сути, общие объективные тенденции развития цивилизации, которые постепенно «набирали

силу» в прошлые эпохи, очевидным образом стали необходимыми сейчас и неизбежно будут сопровождать общественный прогресс и далее, просто в силу постоянного углубления общественного разделения труда, нарастания интенсивности взаимодействий стран и развития НТП в части информационно-коммуникационных технологий и средств транспорта. Соответственно, процессы интернационализации хозяйственной жизни и согласования действий фирм и стран не могут выступать специфическими признаками (сущностными чертами) глобализации. Они лишь используются разработчиками этого уникального проекта в качестве своеобразной «ширмы», облегчающей создание иллюзий у мировой общественности относительно объективного характера глобализационных процессов, направленности этих процессов на общий рост эффективности и благосостояния в мире, без чего трудно было бы доказывать необходимость для всех неукоснительно следовать новым правилам и нормам, «диктуемым» глобализацией. Если же отбросить в сторону «внешние прикрытия» и «камуфляж» объективности, то от всего того, что понимается под современной глобализацией, останется лишь только и именно одно — что это сознательно разработанная узкой группой стран-лидеров совокупность приемов и способов обеспечения данным странам гарантий получения достаточно удобных и быстрых доступов к ресурсам других стран в условиях, когда «официально узаконенная» колониальная система уже ушла в прошлое, стратегические ресурсы планеты становятся все очевиднее ограниченными, а потребности развитых стран в этих ресурсах и доходах постоянно растут.

Если признать, что сущность глобализации состоит прежде всего в стремлении одних стран повышать свою конкурентоспособность за счет других, то естественно, что развитие глобализации не может не вести к усилению конкурентной борьбы в мировом масштабе. Не случайно один из наиболее известных в мире «гуру» глобализации Дж. Сорос при характеристике сути данного явления не тратит время на обольщение общественности туманными обещаниями всеобщего процветания за счет разворачивания глобализационных процессов, а откровенно и четко провозглашает, что «основополагающим принципом глобализации является

конкуренция» и подчеркивает, что «по мере того, как мир глобализуется, конкуренция становится все более жесткой» [10, с. 183].

К этому, на наш взгляд, надо было бы лишь добавить, что с развитием глобализации конкуренция не только ужесточается, но и видоизменяется, т. е. принимает новые формы, а нередко и наполняется новым содержанием.

То, что с развитием глобализации конкурентная борьба видоизменяется, признается фактически всеми, хотя смысл происходящих изменений разными исследователями, естественно, понимается по-разному. Так, например, некоторые упомянутые ранее авторы суть этих изменений трактуют следующим образом: «Во второй половине XX в. конкуренция приобретает новые черты, когда свободная конкуренция частных производителей на изначально закрытых рынках сочетается с конкуренцией монополистических и олигополистических структур на рынках, частично закрытых, в том числе с помощью протекционизма, а ценовые методы конкуренции все активнее дополняются неценовыми» [6, с. 12]. Из данной характеристики можно предположить, что главные изменения в конкуренции авторы сводят лишь к тому, что соперничество на современных рынках идет теперь в варианте не только совершенной конкуренции, но и несовершенной, что государства нередко помогают своим компаниям в этой борьбе и что ценовая конкуренция дополняется неценовой. Но такие «новые черты» конкуренции можно было бы выделять, начиная уже с первого десятилетия XX в. Авторы, как представляется, не выделили такого важного изменения в содержании конкурентной борьбы к началу XXI в., как то, что благодаря глобализации активными субъектами этой борьбы наряду с отдельными фирмами, ТНК и различными объединениями стали целые страны.

Во-первых, в условиях глобализации из-за снижения или устранения национальных барьеров (ради «свободных перемещений финансовых ресурсов, сырья и рабочей силы») для многих стран резко возросли уровни неопределенности, снизились гарантии устойчивости функционирования и развития. Фактически благодаря глобализации оказалось под сомнением такое в прошлом незыблемое правило, согласно которому «элементы системы... подвержены большим изменениям (и менее прогнозируемы), чем

система в целом. Иными словами, микросистемы характеризуются большей степенью неустойчивости (неопределенности дальнейшего развития), чем макросистемы» [3, с. 39]. Теперь же, благодаря глобализации, нередко стали случаи, когда неустойчивость формируется вдруг и сразу прежде всего именно на макроуровне, и уже в этой связи дезорганизуется деятельность микроэкономических субъектов той или иной страны, причем макросистема может испытывать более глубокие радикальные потрясения, чем отдельные фирмы в рамках данной страны.

Во-вторых, как совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает М. И. Гельвановский, «главной чертой современной конкурентной борьбы в условиях развития информационного общества является ее выход за пределы чисто экономических границ. Ее акцент фактически в течение всей второй половины XX в. был перенесен в информационную сферу... в которой используются информационные технологии, ориентированные на изменение мировоззренческо-информационного базиса традиционных обществ, включая воспитание, образование, формирование мировоззренческих и поведенческих стереотипов» [4, с. 225]. Естественно, что такие качественные изменения в направлениях и содержании конкурентной борьбы не могут обеспечиваться отдельными фирмами и даже самыми мощными ТНК. Борьба за изменение мировоззрений людей (да еще в масштабах целых стран) неизбежно предполагает, в числе прочего, целенаправленные усилия и действия мощных, хорошо организованных идеологических и политических институтов, направляемых государственной волей и интересами целых стран.

В-третьих, как показывает мировая практика последних десятилетий, в экономической сфере борьба за некоторые виды стратегических ресурсов обострилась настолько, что ТНК при всей их мощи и влиянии не всегда могут обеспечить свои ресурсные потребности только экономическими методами. В результате эта борьба нередко стала осуществляться с применением открыто насильственных военных действий на территориях стран, обладающих привлекательными для кого-то ресурсами. Естественно, что такого рода конкурентную борьбу, которая сливается с понятиями «вооруженные конфликты» или «война», невозможно вести без прямого

участия государств, т. е. фактически конкуренция между фирмами и ТНК превращается в войны между странами.

В связи с отмеченными особенностями современной конкурентной борьбы представляется правомерным считать, что и характеристики конкурентоспособности стран должны отличаться от общепринятых характеристик конкурентоспособности фирм или ТНК. Если конкурентоспособность отдельных компаний и ТНК носит преимущественно экономический характер, то конкурентоспособность стран — это, неизбежно, оценки и сравнения их возможностей не только в сфере экономики, но и в политике, в сферах культуры и идеологии, в объемах и качестве их военных потенциалов, даже оценки и сравнения национальных темпераментов, характера духовных ценностей населения. При этом в современных условиях роль неэкономических составляющих в межстрановой конкурентной борьбе нередко становится не менее (а иногда и более) значимой по сравнению с ролью традиционных экономических факторов.

В связи с учетом отмеченных обстоятельств представляется правомерным ставить вопрос о том, что же можно считать главной целью конкурентной борьбы между странами в современных условиях. На первый взгляд, может показаться, что такой вопрос некорректен, так как в каждый данный момент у разных стран цели соперничества с другими странами неизбежно окажутся многоплановыми и, к тому же, очень подвижными. Ведь современные страны очевидным образом конкурируют и за доли и «ниши» своих фирм на мировых рынках готовой продукции, и за стратегическое сырье, и за информационные ресурсы, и за научные кадры и интеллектуальный капитал, и за сферы влияния и зоны интересов, и даже (и нередко очень активно) за мировое лидерство в спорте. Все же представляется, что все эти конкретные направления современной межстрановой конкуренции являются в своей основе лишь составными звеньями одной, главной для всех стран, цели, а именно: цели выживания и развития в условиях сложившейся системы миропорядка. При этом многое зависит от характера идеологии той или иной страны. Если (в редких случаях) эта идеология гуманная, то страна стремится выживать и развиваться, повышать свой авторитет, уважение и привлекательность в мире за счет собственных резервов и усилий

и поддержания взаимовыгодных (не противоречащих общепринятым нормам) отношений с другими странами. (Хотя и не идеальным, но наиболее соответствующим данному варианту обеспечения своего выживания и развития в прошлом был пример СССР.) Если же идеология у какой-либо страны хищническая, то такая страна стремится выживать и развиваться путем установления своего господства в мире даже вопреки воле других стран, подчиняя их своим интересам просто потому, что имеет более мощный, чем у них, экономический, информационный, военный или идеологический потенциал, или примыкает к стране с таким потенциалом. Наиболее наглядным примером соответствия данному варианту в настоящий период являются США. Как признает, например, тот же Дж. Сорос, США нередко проводят политику, чреватую «катастрофическими последствиями для других стран», по принципу: «Мы можем себе позволить безответственные действия, поскольку другим странам потребуются десятилетия, чтобы составить нам реальную конкуренцию» [10, с. 201].

Безусловно, внешне человечество уже создало определенного рода институты и структуры, призванные препятствовать стремлениям стран-хищников реализовать свои интересы в форме установления господства и подавления других. Но фактически общеизвестно, что в современных, даже самых значимых, международных организациях главные позиции занимает все та же узкая группа стран с хищнической идеологией, которые в прошлом уже навязали миру две мировые войны и теперь не прочь организовать и третью. Поэтому в реальности даже в XXI в. конкурентная борьба между странами недалеко ушла от старого дарвинского варианта естественного отбора, где сильные подавляют и уничтожают слабых. В условиях глобализации этот «естественный отбор» уже привел к делению всех стран на «субъекты» (т. е. страны, самостоятельные в выборе своей политики) и «объекты» глобализации (т. е. страны, управляемые чужой волей), причем круг «объектов» глобализации постоянно расширяется.

Если с таких позиций подходить к характеристике смысла целей конкурентной борьбы между современными странами, то, как представляется, при оценках их конкурентоспособности за основу целесообразно брать следующий набор критериев:

– наличие у страны таких объемов и качества человеческого, экономического и технического потенциалов, которые достаточны (как минимум) для обеспечения экономической безопасности страны, или (что еще предпочтительнее) представляют собой (по объемам или характеру) особо весомые или ценные части потенциала всего мирового сообщества;

– достижение данной страной лидирующих или высоких позиций хотя бы в нескольких, наиболее передовых и уникальных мировых технологиях, типа технологий освоения космоса, ядерной физики, нанотехнологий и т. п., имеющих общепланетарную значимость;

– наличие у данной страны сильных и глубоких культурных и духовных традиций, достаточных для того, чтобы она могла, активно взаимодействуя с другими странами в науке, образовании и искусстве, не утрачивать при этом наиболее ценных элементов своего культурного и духовного потенциала, а опираться на них как на свой «национальный резерв» для настоящих и будущих поколений, необходимый при решении стратегически важных национальных задач;

– наличие в культуре данной страны таких особенностей, традиций, черт и принципов, которые с позиций морали и религии могут быть привлекательными не только для собственного населения, но и для граждан других стран как доказательства достижения здесь весьма высоких результатов духовного и нравственного характера, к которым всем полезно стремиться;

– высокое качество воспитания гражданских чувств у населения страны, т. е. чувств патриотизма, любви к своей родине, осознания необходимости соотносить свои личные интересы и цели с интересами и целями развития страны в целом и при необходимости подчинять личное общественному;

– наличие у населения данной страны какой-либо общей национальной идеи, которая воспринимается всеми как прогрессивная и жизненно важная, поддерживает в людях исторический оптимизм, желание и стремление вносить своим индивидуальным трудом достойный вклад в ее реализацию, т. е. сплачивает всех ради общей цели;

– наличие средств национальной обороны, достаточных для сохранения необходимого уровня независимости страны;

– обладание достаточно высоким авторитетом в мировой политике, способностью реально влиять на характер глобальных политических решений;

– наличие «непротиворечивой системы» национальных институтов, способных обеспечивать приумножение и эффективное использование перечисленных элементов национальной конкурентоспособности.

Разумеется, все эти составляющие конкурентоспособности отдельных стран целесообразно сопоставлять не только в статике, но и в динамике, добавляя баллы конкурентоспособности тем странам, позиции которых по названным признакам усиливаются.

В составе перечисленных критериев, как представляется, очень большой ошибкой было бы в настоящее время недооценить роль тех, которые связаны с культурой и сознанием людей. Как подчеркивает, например, А. Столяров, «именно цивилизационные, исторические особенности мировых сверхкультур начинают сейчас играть все большую и большую роль на международной арене. И конкретная экономическая конфигурация какого-либо крупного государственного образования, и его политика, и его военная мощь представляют собой лишь технологическое выражение особенностей данной культуры. Победы и поражения зарождаются вовсе не на заводах, выпускающих пушки, танки и самолеты, они зарождаются, прежде всего, в культурном самосознании нации» [11, с. 428]. Об этом же особом значении фактора культуры в состоятельности современных стран и наций говорит и А. С. Панарин, отмечая, что «события, происходящие в сфере культуры — крах и зарождение верований, сдвиги в системе ценностей, революция норм, имеют отнюдь не меньшее значение, чем изучение экономической динамики, анализ конъюнктуры и сопоставление научно-технического потенциала ведущих акторов современного мира» [9, с. 29].

Также недальновидно было бы недооценивать в современных условиях при исследовании уровней страновой конкурентоспособности роль факторов гражданского сознания, общественной психологии, верности каким-либо духовным идеалам, сплоченности населения какой-либо общей идеей. Не случайно, например, многие российские ученые, писатели, деятели искусств, пытаясь понять причины такой резкой «сдачи позиций» Россией и

«топтания ее на месте» в условиях рыночных реформ, приходят к выводу о том, что самым главным из утраченного Россией с разрушением социализма была утрата идеологии той системы, того взгляда на мир, который был присущ гражданам СССР как носителям новых, некапиталистических духовных и моральных ценностей. Именно та идеология, при всех ее специфических несовершенствах и ошибках, поднимала людей над обыденностью повседневного существования и позволяла им несмотря на нехватку многих традиционных для других стран ценностей в сфере быта и досуга гордиться своей страной, ее реальными достижениями в сферах образования и науки, воспринимать себя как людей, прокладывающих путь к новому, более светлому будущему и помогающих другим на этом пути. Именно утрату советской идеологии (такой ее силы и значения) имеет в виду А. С. Панарин, отмечая, что «ни учреждения, ни материальные ресурсы не являются действенными, если они не сбрызнуты живой водой человеческой веры и энтузиазма. Самая современная техника превращается в ненужный хлам, если те, кому предстоит управлять ею, потеряли веру и волю, дезориентированы и деморализованы... Материя следует за духом и подчинена ему...» [9, с. 29]. То есть не может быть конкурентоспособной та страна, чье население утратило необходимую долю оптимизма и сплоченности в борьбе за свое выживание и развитие, не имеет общей высокой цели.

Если при оценках конкурентоспособности стран за основу брать предлагаемые критерии, то надо бы признать, что исследователи индексов глобальной конкурентоспособности или слишком сузили смысл национальной конкурентоспособности, или, фактически, провозгласив одну цель, заменили ее другой, т. е. вместо национальной (страновой) изучают традиционную экономическую конкурентоспособность разных стран. В результате сознательно или неосознанно, но из-за такой замены исходного понятия в рамках проводимых по методике ВЭФ исследований оказываются существенно заниженными уровни реальной конкурентоспособности России (и Китая) в современном мире. На наш взгляд, из самой сути предлагаемых критериев следует, что в мировых рейтингах конкурентоспособности неправомерно определять места России и Китая ниже любой из современных, но отдель-

но взятых развитых европейских стран и тем более включать их в те же группы стран, куда ВЭФ включает Малайзию, Мексику, ЮАР, Румынию, более того считать их менее конкурентоспособными, чем какие-либо страны из этих групп. Ведь Россия, например, не только обеспечивает энергоресурсами почти всю Европу, но и, несмотря на все свои нерешенные проблемы, занимает весьма серьезные позиции в освоении космоса, ядерной энергетике, играет важную роль в мировой политике и культуре, обладает значительным оборонным потенциалом. Китай, конечно, также не свободен от нерешенных проблем, но по всем направлениям развивается так мощно и стремительно, что не только, образно говоря, одевает и обувает весь мир, но и даже может оказывать более чем серьезное влияние на экономику США, которая в финансовом отношении уже является фактически его заложницей.

Исходя из всего отмеченного, представляется, что тем исследователям, которые хотели бы объективно оценивать конкурентоспособность современных стран, целесообразно было бы не питать особых иллюзий относительно таких сомнительных, выделенных ВЭФ, мировых лидеров конкурентоспособности, как Сингапур, Швеция, Финляндия и т. п., а попытаться более реалистично взглянуть на изменения, происходящие в мире. Изменения же эти таковы, что в современных условиях реально конкурентоспособными являются не обязательно лидеры по доле ВВП на душу населения (как это получается по методике ВЭФ), а лишь тот небольшой круг стран, которые могут хотя бы по каким-то вопросам мировой экономики и политики противостоять самой мощной и агрессивной стране — США. Для этого может быть совершенно недостаточно высоких размеров ВВП на душу населения. Не менее важными могут оказаться общие объемы, структура и характер целей развития национальных экономических и культурных потенциалов, а также — наличие у стран и народов решимости отстаивать собственную независимость и самостоятельность. В то же время, разумеется, все перечисленное не означает, что, например, такая страна, как современная Россия, сможет хоть сколько-нибудь существенно повысить свои шансы в плане роста уровня мировой конкурентоспособности, если не начнет реально преодолевать целый ряд сформировавшихся новых и усугубившихся за годы реформ

серьезных макроэкономических проблем. Это — и усиливающаяся экспортно-сырьевая структура российской экономики, и упорное нежелание отечественных олигархов обновлять старые фонды и избавлять общество от грязных технологий, и растущие объемы

хищений внутри страны и вывоза капитала за ее пределы, и, главное, — проведение такой государственной политики, которая все очевиднее ведет не к усилению, а к разрушению отечественной науки, образования и культуры, т. е. основных прежних преимуществ страны.

Список использованной литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек ; пер. с нем. А. Григорьева, В. Седелника. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с.
2. Валлерстайн И. Глобализация или переходный период / И. Валлерстайн // Экономические стратегии. — 2000. — № 2. — С. 14–27.
3. Возная Л. Физика времени в прогнозировании финансовых катастроф / Л. Возная // Вопросы экономики. — 2005. — № 8. — С. 27–40.
4. Гельвановский М. И. Глобализация мировой экономики: необходимость междисциплинарного исследования в целях повышения национальной конкурентоспособности / М. И. Гельвановский // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2009. — № 3. — С. 221–227.
5. Кастельс М. Глобальный капитализм: уроки для России / М. Кастельс // Экономические стратегии. — 2000. — № 5. — С. 54–62.
6. Кондратьев В. Б. Оценка конкурентоспособности стран / В. Б. Кондратьев, А. С. Егоров, С. П. Аукуционек // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — № 2. — С. 12–25.
7. Мартин Г.-П. Западная глобализации: атака на процветание и демократию / Г.-П. Мартин, Х. Шуманн. — М. : Альпина, 2001. — 335 с.
8. Ореховский П. Зрелость социальных институтов и специфика оснований теории общественного выбора / П. Ореховский // Вопросы экономики. — 2011. — № 5. — С. 75–86.
9. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование / А. С. Панарин. — М. : Алгоритм, 2002. — 352 с.
10. Сорос Дж. О глобализации / Дж. Сорос. — М. : Эксмо, 2004. — 244 с.
11. Столяров А. Сумерки богов. Послесловие / А. Столяров // Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / П. Дж. Бьюкенен. — М. : АСТ, 2003. — С. 410–444.

References

1. Bek U. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is globalization?] Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 304 p.
2. Vallerstain I. Globalization or the transitional period. *Ekonomicheskie strategii — Economic Strategies*, 2000, no. 2, pp. 14–27 (in Russian).
3. Voznaya L. The physics of time in predicting financial catastrophes. *Voprosy ekonomiki — Issues of Economics*, 2005, no. 8, pp. 27–40 (in Russian).
4. Gelvanovskiy M. I. World economy globalization: necessity of interdisciplinary research for the sake of national competitive growth. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta — The Herald of Russian State University for the Humanities*, 2009, no. 3, pp. 221–227 (in Russian).
5. Kastels M. Global Capitalism: Lessons for Russia. *Ekonomicheskie strategii — Economic Strategies*, 2000, no. 5, pp. 54–62 (in Russian).
6. Kondratiev V. B., Egorov A. S., Aukutsionek S. P. Countries' competitiveness assessment. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya — World Economy and International Relations*, 2013, no. 2, pp. 12–25 (in Russian).
7. Martin G.-P., Shumann Kh. *Zapadnya globalizatsii: ataka na prosvetanie i demokratiyu* [The Global Trap: Globalization and the Assault on Prosperity and Democracy]. Moscow, Alpina Publ., 2001. 335 p.
8. Orekhovskii P. Maturity of social institutions and specifics of foundations of public choice theory. *Voprosy ekonomiki — Issues of Economics*, 2011, no. 5, pp. 75–86 (in Russian).
9. Panarin A. S. *Globalnoe politicheskoe prognozirovanie* [Global political forecasting]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 352 p.
10. Soros G. *On Globalization*. Public Affairs Ltd. Oxford, 2002. (Russ. ed.: *Soros Dzh. O globalizatsii*. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 244 p.)
11. Stolyarov A. The Gods' Demise. Epilogue. In Byukenen P. Dzh. *Smert Zapada* [Death of the West]. Moscow, AST Publ., 2003. Pp. 410–444 (in Russian).

Информация об авторе

Макарова Галина Николаевна — доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории и институциональной экономики, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, makgn1940@mail.ru.

Author

Makarova Galina Nikolaevna — Doctor habil. (Economics), Professor, Department of Economic Theory and Institutional Economy, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: makgn1940@mail.ru.